

определенного действия, но оно схематично, отвлеченно, не наполнено живыми коллизиями, в нем нет ярких, впечатляющих деталей. Иное мы видим в рассказах о чудесах Варлаама Керетского: здесь немало ярких деталей, события изображаются в развитии их перипетий. Перед читателем встает изображение реальной борьбы мореходов за свою жизнь.

Рассказ о беде, случившейся с Петром Буториным в детстве, точно обозначен и по месту, где это произошло, конкретно сказано, когда это было (на рыбной ловле) и что именно угрожало рыбакам (сильной волной карбас наполнило водой). Рассказчик повествует не о каком-то общем «зельном обуревании», грозящем рыбакам, и неожиданном чудесном спасении, а показывает конкретную картину бедствия. Поэтому-то он сообщает, что когда во второй раз волны снова залили ладью рыбаков, то, очутившись «за коргою у берега», они, прежде чем плыть дальше, «выливши воду из карбаса». Такая же конкретность во всех деталях присуща и для двух других чудес: и в рассказе о каргопольцах, и в рассказе о двинянце Никифоре говорится, куда, как и в какое время плыли мореходы, какая беда постигла их.

Каргопольцев затерли льды, и они борются за свое спасение: «И много нам трудившимся и ничто же нам успевшим». Евфимию в сонном видении является Варлаам, и Евфимий видит, что старец распахивает льды перед их ладьей. Но дальнейшее изображение того, как Евфимий со своими товарищами освобождается из ледяного плена, ничем необычайным не отличается, это вполне реалистическая картина: «И внезапно бысть яко дорога сквозе льда. Они же возрадовашася. И начаша просятися, и абие повеявшу ветру поносному, и выехаша на море ничим же вредими». В самом начале этого эпизода сказано, что каргопольцы ушли в плавание весною: «Идушим нам на лодии весною от Онежскаго устья в куплю». В весенние месяцы из-за перемены ветров на Белом море суда часто попадают в ледяной плен, и в таком случае для мореходов, идущих на небольших парусных судах, оставалась лишь одна надежда — терпеливо ждать изменения погоды. С переменой ветра либо в том случае, если затертое судно отдрейфует с ледяным полем в такое место, где имеются теплые подводные течения, подводные рифы, во льдах образуется проход, и потерпевшим бедствие удастся вырваться на открытую воду.

Двинянин Никифор идет «со своими клеветы» «с мурманского рыбнаго промыслу». Буря сорвала у них мачту, в море унесло парус, волны заливают ладью: перед нами не общие слова о буре, а изображение ее в конкретных деталях. Появление святого в такой ситуации — это чудо, но с его появлением не происходит мгновенной чудесной неожиданной развязки. Автор рисует перипетии борьбы рыбаков с разбушевавшимся морем и после появления святого. Варлаам не останавливает бурю, как это, например, изображается в приведенном выше рассказе о чуде из Жития Стефана Комельского («И тако буря преста и волны пременишася на тихость»), а упрекает впавших в отчаяние рыбаков за их бездействие: «Что вы впадосте во отчаяние и не промышляете о себе?», — спрашивает он Никифора, и, подказав, как им следует поступить, восклицает: «Промышляйте, не плоштитеся, бог вас вынесет!». После этого рыбаки начинают искать парус, и находят под ладьей и парус, и весла, и руль. Измученные, они засыпают, тогда опять является Варлаам, чтобы снова подбодрить их, призвать к действию. Мореходы «начаша обычная на лодье уготовляти и промышляти о путнем шествии своем». Подул «поносный» ветер, и на третий день они достигли устья Двины.